

В ушах оглушительно зазвенело. Тань Юмин крепко сжал телефон. На вершине небоскрёба завывал пронизывающий ветер, вызывая пугающее чувство падения в пустоту. Горло свело спазмом. Он боялся, что это очередная галлюцинация, иллюзия расстроенных чувств, хрупкий сон, который разобьётся от одного прикосновения.

Он открыл рот, но не смог издать ни звука. Сердце сжималось от тревоги, пока на том конце не раздалось чёткое, уверенное повторение:

— Тань Юмин.

Только тогда он снова смог дышать. Сглотнув ком в горле, он тихо спросил:

— Это ты? — Голос звучал неуверенно и осторожно, он до смерти боялся, что это привычные слуховые галлюцинации.

— Да, — ответили на том конце. — Это я.

Глаза Тань Юмина мгновенно наполнились слезами.

— Тань Юмин, не плачь.

В горле застрял болезненный комок, губы задрожали:

— Где ты? — Его тон был лёгким, как облачко. В нём звучала радость от вновь обретённой потери, смешанная с капелькой обиды, которую он никак не мог скрыть.

— На острове Одиннадцатой зоны.

Тань Юмин мгновенно пришёл в себя и решительно покинул террасу:

— Я еду за тобой.

— Не торопись. Я подожду тебя.

— Не вешай трубку! — выпалил Тань Юмин. — Пусть будет так. Оставайся на линии, ты... ты просто говори со мной.

— Можно?

— Можно.

— Только не плачь.

Он быстрым шагом вернулся в кабинет и надел наушники. Дыхание собеседника стало ближе, но это ничуть не успокоило Тань Юмина. Наоборот, он стал ещё торопливее собирать вещи. Ян Шиянь быстро связалась с портом, чтобы подготовить катер.

Остров Одиннадцатой зоны был искусственным сооружением, построенным исключительно для переработки морской нефти. Отдалённый и закрытый, он даже не имел официального названия. Аэропорта там тоже не было. Даже на самом быстром бизнес-катере путь туда занимал больше пяти часов.

Глядя на бескрайнюю гладь моря, Тань Юмин чувствовал, как эмоции бурлят в нём, словно белые барашки на волнах:

— Я... я сел на катер. Жди меня, я скоро буду. Очень скоро.

— Угу. Я пойду на причал ждать тебя.

Сигнал был слабым, и голос в наушниках слегка искажался. Тань Юмин боялся снова потерять связь и настойчиво повторил:

— Не вешай трубку, не вешай.

— Не повешу.

Тань Юмин оперся на перила. Его сердце неистово билось. Тревога, копившаяся триста девяносто четыре дня и ночи, вырвалась наружу:

— Ты... как ты? Ты не ранен? Как твоё здоровье?

Ответ был привычно кратким и лаконичным:

— Хорошо. Не ранен. Со здоровьем всё в порядке.

Тань Юмин не выдержал и спросил:

— Тогда почему... почему ты только сейчас связался со мной? — Он правда не упрекал. Это была лишь крошечная обида, которую он не смог сдержать и скрыть. Совсем чуть-чуть, не более того.

На том конце на мгновение повисла тишина. Голос прозвучал немного беспомощно и виновато:

— Прости. Я... многое забыл. И только недавно начал понемногу всё вспоминать. — Если быть точным, мозаика в его голове окончательно сложилась только за последние пару дней.

После падения в море Шэнь Цзунняня подхватило океаническое течение и прибило к острову Одиннадцатой зоны. Его спас инженер-нефтяник. Но из-за удара головой о рифы Шэнь Цзуннянь потерял память. В разгар сезона нефтепереработки как раз не хватало рабочих рук, поэтому бригада оставила его на острове.

Тань Юмин вцепился в перила, чувствуя грусть и тревогу:

— Должно быть, это было очень больно.

— Не больно.

— Ты там не сильно уставал?

— Не уставал. — Шэнь Цзуннянь всегда был выносливым. Да, объём работы на буровой платформе был огромным, а уровень опасности — высоким. Но это было ему по силам.

— А ты, Тань Юмин? — Шэнь Цзуннянь даже не смел представить, как Тань Юмин, страдающий от сепарационной тревоги, пережил этот год. Когда последний фрагмент воспоминаний встал на место, первое, что он почувствовал, — это не радость от возвращения памяти, а острую, пронзительную боль, нахлынувшую издалека.

— Как ты?

Тань Юмин запрокинул голову и посмотрел в небо. Хриплым голосом, сдерживая слёзы, он произнёс:

— Шэнь Цзуннянь.

— Я скучаю по тебе.

На том конце повисла тишина.

Тань Юмин бессознательно пробормотал:

— Если бы ты не появился, я бы правда... я бы правда...

Дыхание в телефоне стало тяжелее.

— Но я не смел... Я ещё не нашёл тебя, и боялся, что ты вернёшься, а меня здесь нет...

— Тань Юмин, Тань Юмин, — сердце Шэнь Цзунняня тоже сжалось от паники. Он перебил его и поспешил успокоить: — Прости.

Он повторил ещё раз:

— Прости, что я так долго ничего не помнил.

— Тебе не за что извиняться. Ты ни перед кем не виноват, — Тань Юмин, который весь этот год был необычайно молчалив, рядом с Шэнь Цзуннянем всегда находил столько слов. — Бабушка очень скучала по тебе. На Новый год она снова вырезала для тебя много амулетов на удачу. Та старая швейная машинка всё-таки сломалась. Никто не знает, как её починить. Я хотел купить ей новую, но она отказалась.

— Тот дурацкий попугай подражает голосу дедушки. Каждый день он кричит: «Нянь-цзай, иди домой!». Это так раздражает, но каждый раз я вёлся на это. Я правда каждый раз выбегал во двор, чтобы посмотреть. Но ни разу тебя там не было.

— Госпожа Гуань на зимнее солнцестояние сварила лапшу долголетия. В прошлом году я съел её за тебя, было очень невкусно. В этом году ты должен съесть её за меня. И ещё... в прошлом году на Новый год мы не делали семейное фото. Папа сказал, что раз тебя нет, то это уже не вся семья. Сказал, что мы подождём твоего возвращения, чтобы сфотографироваться всем вместе.

У Шэнь Цзунняня защемило в груди, кадык нервно дёрнулся. Он по-прежнему не умел выражать свои чувства словами, поэтому лишь тихо ответил:

— Хорошо.

Подавленные мысли хлынули потоком, словно раскалённая лава. Тань Юмин не мог остановиться:

— Я нашёл сигареты, которые ты прятал в шкафу. Я даже не знал, когда ты начал курить. Я попробовал одну. Она оказалась очень горькой, но вызвала сильное привыкание. Это помогало мне на время забыть о том, что тебя больше нет рядом. Но я боялся курить слишком много. Боялся, что они закончатся, а ты так и не вернёшься. И ещё больше боялся, что если они закончатся, то у меня больше ничего от тебя не останется. Вообще ничего.

— Твоё бессрочное поручительство я уже продлил. Но я добавил к нему дополнительное соглашение. Теперь мы являемся пожизненными поручителями друг друга.

— Твой зажим для галстука с бабочками-близнецами в сейфе я тоже нашёл. — Хотя прошло

уже двенадцать лет, Тань Юмин всё равно хотел всё объяснить: — Тогда я не специально пошёл тусоваться с Вэй Сыхэ. Просто мне показалось, что его подарок был слишком дорогим, и я хотел сделать ответный жест. К тому же, купленные драгоценности я подарил от нашего общего имени. Я думал, что на новом рынке, который ты тогда осваивал, тебе обязательно придётся с ним столкнуться. И, конечно, — добавил он, — в тот вечер, когда ты сказал, что ничего мне не приготовил, я немного разозлился. Ведь я был бы счастлив, даже если бы ты подарил мне обычный листок с дерева.

— Позже я много думал, почему тебе так не нравился Вэй Сыхэ. Думал-думал и решил, что вы просто не сошлись характерами с первой же встречи. Не знаю, задела ли тебя та история с супом из красных бобов, но я хочу сказать тебе: я отдал его ему только потому, что относился к нему как к гостю.

— А ты — нет. Ты мой человек.

Ветер завывал всё громче. Но Тань Юмин, не обращая ни на что внимания, громко изливал душу человеку на далёком берегу. Каждое слово звучало твёрдо и оглушительно ясно.

Сердце Шэнь Цзунняня, которое не сгнило в бурных водах океана, сейчас размякло от этой искренности. Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Его голос прозвучал немного хрипло и растерянно:

— Подарок я возьму. Швейную машинку починю. Лапшу долголетия съем. Тань Юмин, ты... только не грусти.

Тань Юмину не нужны были мимолётные обещания. Он хотел уточнить сроки:

— Каждый год?

Шэнь Цзуннянь пообещал:

— Каждый год.

Катер всё ближе подходил к берегу. Вдали уже смутно виднелся человеческий силуэт. Взгляд Тань Юмина горел. Казалось, если судно не причалит прямо сейчас, он прыгнет в воду и поплывёт сам.

Шэнь Цзуннянь стоял на причале. Словно сцена из прошлого повторялась вновь. Четырнадцать лет назад Тань Юмин свалился ему как снег на голову. Четырнадцать лет спустя Тань Юмин примчался к нему, рассекая волны. Тогда светило тропическое солнце, а сегодня бушевал ураган. Но казалось, в какой бы богом забытый уголок земли судьба ни забросила Шэнь Цзунняня, Тань Юмин всегда сможет его найти и забрать домой.

Только на этот раз не было широкой улыбки, не было видно клычков. Тридцатилетний Тань Юмин со всех ног бросился к нему, и Шэнь Цзуннянь, как и прежде, уверенно поймал его в объятия.

Тань Юмин крепко обхватил его за шею, глубоко зарывшись лицом в изгиб плеча. Горячие слёзы мгновенно намочили одежду Шэнь Цзунняня. Тань Юмин оскалил клыки и сильно укусил его, оставив глубокий след от зубов. Его голос дрожал:

— Шэнь Цзуннянь, я тебя ненавижу.

— До смерти ненавижу.

Руки Шэнь Цзунняня, обнимавшие его, на мгновение замерли. Он уже хотел снова попросить прощения, как вдруг услышал ласковый шёпот Тань Юмина:

— Я пошутил.

— Я так скучал по тебе.

— Очень сильно скучал.

Тело в его объятиях было слишком хрупким. Он исхудал так, что казалось, его невозможно удержать. Шэнь Цзуннянь с силой прижал его к себе. На этот раз уже он не выдержал и спросил:

— Тань Юмин, почему ты так похудел?

— Ты что, нормально не ел?

Строгий тон, поучающие нотки. Даже спустя сотни дней и ночей в них не было ни капли отчуждённости. Тань Юмин прижался лицом к его шее. То ли злясь, то ли обижаясь, он пробурчал:

— Не ругайся на меня при первой же встрече!

Шэнь Цзуннянь замаялся. Он погладил его по затылку и тихо ответил:

— Я не ругаюсь. — Просто он был таким худым, что от этих объятий у Шэнь Цзунняня сжималось сердце. словно он пытался удержать в руках сыпучий песок.

Влажные ресницы Тань Юмина коснулись его кожи:

— Угу, ты просто волнуешься за меня. Я знаю.

Его плечи задрожали. Шэнь Цзуннянь накрыл их своими большими ладонями:

— Тебе холодно?

— Обними меня покрепче, и будет не холодно.

Их грудные клетки соприкоснулись, два сердца бились рядом. Слыша дыхание друг друга, Тань Юмин ясно почувствовал, как застывшая в его теле кровь снова начала течь по венам. Засохшее дерево пустило корни, ледяная река растаяла.

Шэнь Цзуннянь крепко прижал его к себе, закрывая от морского ветра. Он и не надеялся снова увидеть Тань Юмина, но это действительно произошло.

Судьба была жестока к нему с самого детства. Бессердечные родители, равнодушные родственники. Но судьба была к нему и благосклонна: она послала ему Тань Юмина. И каждый раз, когда он падал в пропасть, он мог подняться, чтобы снова увидеть Тань Юмина.

Тань Юмин не хотел отпускать его, боясь, что стоит лишь разжать руки, и он снова исчезнет. Высвободив только одну руку, он достал телефон и набрал номер Гуань Кэчжи. Пока он своими глазами не увидел его и не дотронулся до него, он просто не смел сообщать радостную весть.

Гуань Кэчжи ответила быстро, хотя на фоне слышались звуки какого-то официального совещания:

— Мин-цзай.

— Директор Гуань, послушайте, кто это.

Шэнь Цзуннянь произнёс:

— Тётушка Гуань.

На том конце внезапно повисла тишина. Как бы Гуань Кэчжи ни старалась сдержаться, в её голосе всё равно слышались слёзы:

— Нянь-цзай, это ты?

Шэнь Цзуннянь с чувством вины ответил:

— Это я, тётушка Гуань. Заставил вас поволноваться.

— Как ты? Ты не... — Ей хотелось сказать так много. Немного придя в себя, Гуань Кэчжи поспешно задала самые важные вопросы: — Где вы сейчас? Когда вернётесь? Давайте мы приедем за вами?

Тань Юмин сказал:

— Мы на острове Одиннадцатой зоны. Путь в одну сторону занимает больше пяти часов. Вернёмся завтра. Не нужно сюда ехать, просто встретьте нас завтра на причале.

— Хорошо. Я сейчас же всё расскажу твоему отцу.

Повесив трубку, Тань Юмин взял Шэнь Цзунняня за руку:

— Пошли, заберём твои вещи.

Семья Сюй прислала за ними машину. Сюй Эньи была единственной дочерью нефтяного магната Сюй Цихуа. Острова с Девятой по Тринадцатую зону принадлежали их семье. Сюй Эньи узнала новости чуть позже Тань Юмина. Они сбились с ног, разыскивая его повсюду, а оказалось, что самое тёмное место — под светильником.

Бизнес-автомобиль подъехал к району буровой платформы номер три. Было рабочее время, поэтому никого из людей не было.

Тань Юмин смотрел, как он собирает вещи. Всё было просто, чисто и аккуратно. Он в очередной раз остро осознал: сила Шэнь Цзунняня не нуждается в подтверждении статусом. В какие бы условия ни забросила его судьба, с чем бы он ни столкнулся, он всегда сможет пустить корни и выжить.

Тань Юмин подошёл помочь ему со сборами:

— Люди здесь хорошо к тебе относились?

— Вполне хорошо. — Человек, который спас его в самом начале, был инженером-буровиком, готовящимся к выходу на пенсию. После доклада начальству они так и не смогли установить личность Шэнь Цзунняня. Но видя, что его раны быстро заживают, что у него крепкое здоровье и выдающиеся способности к обучению, они решили оставить его у себя.

Заметив, что Тань Юмин всё ещё выглядит расстроенным, Шэнь Цзуннянь немного подумал и сказал:

— Хотя остров Одиннадцатой зоны очень закрытый и кажется скучным, днём тюлени забираются на буровую платформу погреться на солнышке.

Шэнь Цзуннянь правда не умел утешать людей. Он слегка наклонил голову, заглядывая в опущенное лицо Тань Юмина, и добавил:

— Ты так любишь панд, тебе наверняка понравятся и тюлени. — Они тоже были тёмными и мягкими.

Но во взгляде Тань Юмина по-прежнему читалась невыносимая боль. Шэнь Цзуннянь мысленно вздохнул, достал свой телефон и протянул ему:

— Хочешь посмотреть?

<http://bllate.org/book/17117/1621284>